

Уже светало. Дождь давно прошёл, непогода успокаивалась, из-под густых туч виднелись лучи солнца. Природа в лесу оживала, потихоньку начав пробуждаться после очередной бури. В каком-то смысле, основную философию леса, если не всего мира можно было трактовать так: если после очередного Сопряжения Планов мир всё ещё продолжает существовать — не произошло ничего такого. В принципе, философия имеет право на жизнь, пусть и с нюансами.

Крылатыми нюансами.

Нориэль впервые преследовал кого-то так долго. Сказать, что молодой эльф устал, значило ничего не сказать, и даже его верные друзья находились на грани истощения. Много раз молодой эльф думал, что окончательно потерял след неизвестного существа, и лишь благодаря чуду (во всех смыслах) он в конечном итоге вновь и вновь выходил на то и дело уходящий от него энергетический след странного существа.

Впервые за более чем три сотни лет ему пришлось выбраться за пределы леса. По крайней мере, его неизведанной части.

— Чудовищно... — прошептал Нориэль.

Снеся несколько деревьев, в самом настоящем огненном кратере, распространяя безумные потоки энергии, лежало чёрное крылатое нечто, рядом с которым, каким-то чудом оставаясь полностью невредимым, находилось большое чёрное яйцо больше головы Нориэля. Острое, твёрдое, оно явно не поддавалось бы ни ударам топоров, ни, возможно, какому-нибудь наступательному чуду.

В голове молодого эльфа будто что-то щелкнуло. Как и в случае с языками, он, сам не зная откуда и как, осознал, кто и что перед ним находится.

— Дракон.

Слово на ранее незнакомом языке, сорвавшееся с его губ, было удивительно грубым, несущим силу и величие. Нориэль не сомневался, что это самоназвание им идеально подходит: ему банально дышать было тяжело рядом с телом чёрного существа, что уж говорить про то, какой силой оно обладало при жизни? Чем-то оттенок энергии напоминал силу Малика, и всё же — это были две совершенно разные силы. Они мало того, что несли совершенно разные концепции, так ещё и столь ненавистная молодому эльфу тьма отсутствовала как класс.

— Жаль, — неожиданно прошептал Нориэль.

Духи вокруг него удивлённо застыли, явно удивившись тому, что их сумасшедший друг с шилом в одном месте скорбел по поводу смерти чего-то, безусловно, не самого светлого и миролюбивого.

Впрочем, тенденция показывала, что Нориэля тянуло ко всему, что могло превратить его существование в оживший кошмар.

Молодой эльф подошёл к невредимому чёрному яйцу, видя, какое густое марево было сконцентрировано вокруг ещё не родившегося обитателя яйца, мягко намекая на то, что оно не только визуально сохранилось, но и, вполне возможно, в скором времени обещало явить этому миру новое крылатое создание.

Глаза Нориэля вспыхнули.

«...нет, нет, нет...»

Духи природы, почувствовав намерения собрата, буквально силой его потянув назад, вызвали у Нориэля смех.

— Их марево совсем не тёмное, — мягко пресёк влияние собратьев молодой эльф. — Они не несут разрушение просто так.

Духи, видя разруху вокруг, чувствуя чудовищную, подавляющую энергию, испытывали, мягко говоря, сомнения в словах своего друга.

Нориэль же не сомневался.

Осмотрев со всех сторон яйцо, молодой эльф на миг решил отвлечься от него, почувствовав неожиданное притяжение к мёртвому телу величественного гигантского создания. Удивившись этому чувству, перерождённый дух вплотную подошёл к чешуйчатому созданию, положив руку на чёрную, плотную, тёплую, практически горячую чешуйку. Остатки марева сущности неожиданно закружились в водоворот, поглотив сознание молодого эльфа.

Картинка перед глазами Нориэля поплыла.

Перерождённый дух отшатнулся, чувствуя горячую выжженную землю под ногами.

Перед ним предстал гигантский огненный мир. С бесчисленными безумно могущественными существами, пролетающими в небе, огненными вулканами и чёрным небом на фоне красного, кровавого солнца.

— Мёртвый мир, — сорвалось с губ Нориэля.

Из его глаз против воли пошли слёзы. Молодой эльф сам не мог сказать, почему они пошли: из-за накативших на него чувств или витавшей гари и спёртого воздуха. Нориэль безошибочно мог сказать, что находится на том же месте недалеко от леса рядом с трупом существа, и это

была лишь странная иллюзия, однако она была настолько реалистичной, настолько детальной, что...

Молодой эльф мог совершенно точно сказать, что владелец пугающей для перерождённого духа природы картины видел её бесчисленное количество раз.

«И именно поэтому я сбежала, Первородный...»

Зрачки Нориэля сузились. Картинка вновь смазалась. Подавляющая сила упала на его плечи, придавливая к земле. Перед ним, словно всё это время находясь рядом, появилась абсолютно живая и здоровая ящерица. Нет, дракон. Размером с огромный дом, которые видел молодой эльф в своих далёких видениях каменных джунглей, для неё маленький эльф был не больше говорящей мошки. Голос могущественного создания из мёртвого мира звучал в голове молодого эльфа с такой громкостью, будто его вполне серьёзно намеревались оставить глухим. Метафизически.

И думай теперь — издевалась или случайно получалось?..

— Ты захотела подарить своему дитя лучшую судьбу, — улыбнулся ярко Нориэль, решив опустить некоторые детали ситуации. — Я уважаю твою смелость.

Без страха он поднял взгляд прямо в горящие красные глаза драконицы. Его яркие, мягкие светящиеся голубые глаза встретились с горящими красными глазами драконицы.

«Я не справилась... — опустила длинную шею собеседница. — Не смогла пройти последнее испытание...»

— Твоё дитя выжило, — не согласился Нориэль, подняв взгляд на яркое кровавое солнце. — И получило шанс на лучшую жизнь.

Драконица аккуратно присела на землю, опустив свою длинную шею на уровень головы Нориэля.

«Ты знаешь, что я хочу попросить тебя, Первый из Светлоликих...»

Длинное ухо Нориэля дернулось. Впервые его так называли.

Он всё больше убеждался в том, что, вполне возможно, где-то в мире существовали его сородичи, подобные тем, что навечно остались в мифическом Лесу.

— Что я получу за то, что позабочусь о твоём ростке?

Драконница, услышав невинный, мягкий вопрос, пожалуй, самого светлого существа, что она видела за всю свою жизнь, застыла. Глаза драконницы загорелись яростью, земля задрожала, мир начал разрушаться, активизировались вулканы. Казалось, происходящее совершенно никак не влияло на молодого эльфа, и это несмотря на то, что его верных друзей, на первый взгляд, не было рядом с ним.

Вокруг удивительно спокойного Нориэля загорелось антрацитовое пламя. Чёрная драконница поднялась, возвысившись над перерождённым духом, словно гора.

«Мир людей испортил тебя, создание из верхнего мира... Твоя душа может выглядеть чистой, но она погрязла в жадности и порочности!»

Улыбка на лице молодого эльфа померкла. Он, не обращая внимание на окружающий иллюзорный хаос, который, впрочем, вполне мог принести ему вред, снял с пояса свою флейту. Вероятно, такую же иллюзорную, как и всё окружающее пространство, однако — более чем настоящую. В руках молодого эльфа — так точно.

Пожалуй, никто не мог сказать, насколько ценной его флейта была. Рождённая из дерева мифического статичного Леса, пропитанная энергией природы молодого чудотворца настолько сильно, что, кажется, она эту природу и воплощала.

— Встреться мы триста лет назад, и твои слова ранили бы меня, повелительница неба. Но я уже не настолько наивен и глуп, чтобы поддаваться на такое. Моя душа не станет светлее или темнее от того, что я буду любить себя, как и твоя душа не станет темнее от того, что ты пытаешься защитить своё дитя. Я не разрушаю ради разрушения, я верен своему слову и не нарушаю его, я не вру сам себе, я не пытаюсь скрывать своих чувств и помыслов. Так с чего моя душа должна быть порочной?

Нориэль говорил неспешно. Он медленно, мягко, чётко проговаривал каждый звук, с каждым словом улыбаясь всё шире и шире.

Драконница ошиблась, изначально увидев перед собой ещё совсем молодого эльфа.

Безусловно, он был молод. Но он был молод душой и телом. Сознание же Нориэля взрослело, накапливало опыт. Пусть заметно медленнее, он, тем не менее, переосмыслил безумно много вещей. Перерождённого духа точно нельзя было назвать почтенным старцем, однако он мелкими шажками уверенно стремился к этому титулу.

Нет, не стремился. Просто шёл, даже не задумываясь над этим.

Драконница, какое-то время смотря в яркие глубокие глаза парня, извиняясь, склонила голову. Вулканы и землетрясение успокоились.

«Я была слепа... Прости меня, мудрый Первородный...»

Нориэль про себя хмыкнул.

Мудрый? Он? Перерождённый дух представил себе ироничный оскал Малика, услышь он это заявление. Или хихиканье Айши. Или, в самом худшем варианте, громкий хохот Старейшины. Правда, парень сомневался, что Старейшина в принципе умел по-настоящему смеяться.

— Мне не на что обижаться. Что ты можешь предложить мне, повелительница неба?

На самом деле, перед ним была не сама драконица. Скорее, её отпечаток. Тень. Столь сильное существо даже после того, как её душа ушла, смогла оставить след, который в случае чего смог бы защитить её дитя. Но, скорее всего, лишь один раз. Марево силы рассеется, оставив яйцо абсолютно беззащитным.

«Я не смогу предложить тебе ничего, потому что я мертва, Первый из Светлоликих... Моё же яйцо не станет твоим должником из-за моего слова... Лучше оно умрёт свободным и отправиться в свой последний полёт ещё до рождения, чем станет кому-то служить...»

Молодой эльф отрицательно покачал головой.

— Мне не нужно ничего материального или физического, как мне и не нужно ничего от твоего дитя. Я стремлюсь лишь к познанию мира и чуда.

Чёрная драконица вновь была удивлена словам маленького существа перед собой. Впрочем, что она могла рассчитывать услышать от Первородного?..

Драконица ненадолго задумалась, как показалось молодому эльфу, потешно наклонив длинную шею.

«Я чувствую от тебя то, что давно покинуло наш мир... Ты не сможешь подчинить нашу силу...»

— Не смогу я — сможет кто-то другой, — пожал беззаботно плечами молодой эльф. — Мне важно, чтобы люди развивались. Среди них же обязательно однажды родиться умелец, который сможет научиться тому, что умеешь ты. Я ценю любые знания и хочу познать чудо во всех его проявлениях, повелительница неба.

Драконица непонимающе моргнула.

Кто-кто? Люди? Развивались? Умелец?..

В голове Нориэля неожиданно раздался громкий, по-настоящему громогласный, сотрясающий чёрное небо хохот.

Кажется, она оценила шутку.

«Хорошо! Да будет так, мудрый Первородный! Я передам тебе всё, что осталось от моей тени. Пройдёт немало времени, пока ты осознаешь и познаешь всё то, что накопила кровь моих предков, но, будь уверен, ты не пожалеешь! Не Первому из Светлоликих бояться времени!»

Пространство начало разрушаться. На этот раз — уже полноценно. Огненная энергия вспыхнула. Нориэль же, чувствуя, как земля уходит у него из-под ног, тепло улыбнувшись, заиграл на флейте, поддерживая уходящую тень, чем, кажется, в очередной раз умудрился удивить драконицу, чей... рычащий, раздававшийся прямиком из сознания молодого эльфа хохот стал ещё более громогласным и, кажется, расслабленным.

Она уже совсем не переживала, что её яйцо окажется не в тех руках.

Уже когда пространство практически полностью разрушилось, ударив потоком энергии в сознание молодого эльфа, Нориэль напоследок услышал последние слова удалявшейся, кажется, в последний полёт тени:

«Моё имя уже не имеет значения... Но имеет значение имя ещё нерождённого дитя... Прошу, мудрый Первородный, назови его Да-Ру... Пускай оно носит это имя с гордостью...»

Картинка перед Нориэлем вновь смазалась. Мёртвый мир вновь превратился во всё тот же лес, запах стал намного чище и приятнее. Пожалуй, это была не та чистота и свежесть, что была в мифическом Лесу, однако на фоне того, что происходило в мире драконицы...

Нориэль поморщился, помотав головой.

Вероятно, окажись он в том мире, и потратил бы сотни и тысячи лет на то, чтобы озеленить его, несмотря ни на что.

Духи нервно закружили вокруг своего собрата, почувствовав в нём какое-то странное изменение. Они даже не поняли, насколько был близок их друг к смерти. На фоне того, что марево вокруг тела гигантского существа начало исчезать, это выглядело особенно странно. И это не говоря про то, что капелька бордовой крови драконицы вылетела из её тела и влетела в тело молодого эльфа!

Парень какое-то время постоял на месте, прислушиваясь к чему-то странному на краю сознания. У него будто кровь кипеть начинала. Крайне странный и вместе с этим интересный способ передачи информации.

Как ни странно, любая усталость исчезла. Его источник был полон энергии, словно он хорошо отдохнул.

— Спасибо за беспокойство. Всё более чем хорошо, — довольно улыбнулся Нориэль, открыв глаза. — Кажется, в нашей компании может появиться новый друг.

Молодой эльф понятия не имел, насколько точными и вместе с этим ложными были его слова.

Точными — потому что в компании действительно появился новый друг.

Ложными — потому что друг был не один, о чём, правда, парень ещё не догадывался.

Молодой эльф резко перевёл взгляд в сторону, поняв, что ему в лицо, из-за зарослей, чуть не прилетела стрела. Естественно, не имея ни малейшего шанса долететь до цели, она упала на землю.

— Тц...

К нему на поляну (которой, если бы не драконица, не было) вышла группа из пяти человек.

Сердце молодого эльфа пропустило удар.

Впервые за несколько сотен лет он вновь увидел людей. Молодой эльф находил ироничным то, что первая его встреча с людьми за более чем несколько сотен лет началась со стрелы в лицо.

«Слышит Лес, я бы не поверил, если бы мне кто-то сказал, что новая встреча может начаться иначе», — улыбнулся про себя Нориэль, разглядывая группу тихо подкрававшихся мужчин и молодого замурзанного парня где-то за ними. Откровенно говоря, парня странного, с маревом, которое выглядело тёмным, и вместе же с этим...

Будто и не тёмным.

Не видя людей более трёх сотен лет, молодой эльф всё равно прекрасно помнил, как они выглядели, какой у них был быт, как они одевались, какие, в конце концов, были нормы поведения в строю. Отличалось всё — начиная от того, что у странных людей оттенок кожи был заметно более светлым, отсутствовали татуировки, что для охотников, на которых они были похожи, неслыханно, продолжая одеждой: заметно более качественная, с более ровным швом, пусть и всё ещё грубая, во многих местах заштопанная, грязная и мешковатая.

«Люди не стоят на месте», — был готов пуститься в пляс молодой эльф, с удовольствием разглядывая вышедших к нему мужчин.

Явно агрессивно настроенных. Давно молодой эльф не видел настолько тёмного марева вокруг кого-то. Нет, конечно, до уровня демонических псов или того же Малика — как от его нынешнего места и напрямик до Леса пешком, но всё равно удивительно. В конце концов, они не питались никакой дрянью.

Либо, скорее всего, питались, только другой, не воздействующей на марево.

— Нелюдь-чудотворец... — аж сплюнул один из мужчин.

Отвращение к себе Норизель чувствовал буквально физически.

В голове молодого эльфа что-то щелкнуло. Он едва заметно кивнул, узнав от и до новый язык. Заметно менее грубый, более богатый на слова и выражения, образы и абстракции. Молодой эльф восхитился тому, сколько всего стало всплывать в его голове. А сколько ругательств там было!

— Я тоже ра...

Парень остановился, увидев перед своим лицом ещё одну стрелу.

Его жизнь попытались оборвать уже дважды.

Длинные уши молодого эльфа недовольно затрепетали. Вокруг начал подниматься ветер, трава начала оживать и произвольно расти под ногами Норизеля.

Наблюдавший за всем со стороны замурзанный парень, оказавшийся каким-то образом в компании бандитской наружности (наружности ли?..) мужчин, весело засмеялся.

— А я говорил, что вас ждёт здесь лишь смерть, идиоты! Бегите, глупцы!

Удивлённые мужчины уже было думали отреагировать, только...

Молодой эльф нечеловечески быстрым, рефлекторным движением снял с пояса флейту, заиграв на ней.

Было ли умным решением нападать на одичавшего чудотворца, которому была подконтрольна природа, в пусть не слишком густом, но лесу? Это риторический вопрос.

Природа ожила и, Слышит Лес, лучше бы она этого не делала.

<http://tl.rulate.ru/book/94178/3319197>